

М 10 АПРЕЛЬ МОСКВА 1945 • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ЦЕНА КОМЕРА — 50 КОП.

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ХУІ

К. 556/38П

ДОСТОЙНЫЙ СОТРУДНИК
ГОСПОДИНА ПЛИМУТА

— И на этот раз никаких следов нарушения
повеления...

Рис. К. Ротова

Заболела прачка

Заболела прачка. Ее положили в больницу, и доктор объявил, что нужна операция.

Через неделю радист Никодимыч первый пожаловался, что у него нет чистого носового платка. В доказательство он вытащил из кармана перепачканный табаком грязный платок и трагически объявил: «Последний!» Через две недели мужчины-холостяки заявили, что не могут пойти в баню, так как у них нет чистой смены белья.

На зимовке возник страшный кризис. Мужчины собрались на совещание. Семейные попытались было улизнуть, но были доставлены под конвоем.

— Я так думаю,— сказал муж прачки, почему-то чувствовавший себя виноватым.— Я так думаю: тут стихийная бедствия. И каждый, я так думаю, очень свободно может сам себе белишко постирать, раз уж такая беда с Марьей Алексеевной.

Метеоролог драматически закричал:

— Да! Я пойду сам стирать свои тряпки. Я буду стирать. Я отлично умею стирать. Я прачка с детства. Всю жизнь об этом мечтал. Но вместо сегодняшней сводки погоды на острове я передам температуру бани, состояние воды в корыте и плотность тумана, поднимающегося от моего белья!

— Какими мы стали барами, однако! — рискнул вставить замечание семейный радиотехник, много зимовавший на своем веку.— А как же мы на старых зимовках обходились нето что без прачки, а и без повара? И вахту свою несли и сроков не пропускали. Нет, разнежались полярники.

Спор разгорелся бы еще ярче, если б не вмешался мудрый аэролог, человек болезненно влюбленный в чистоту, поражающий всех своими ослепительными воротничками. Он сам их стирал.

На этот раз, как человек опытный в прачечном деле, он занял позицию, исполненную практического смысла.

— Нас сорок человек мужчин,— сказал он.— Рассудите сами: если каждый начнет стирать белье в бане (а больше нигде), как мы разместимся там? Ну, можно стирать сразу четверым, пятерым от силы. Значит, надо восемь дней топить баню. Мыслимо ли? У нас столпится очередь. Мы сорвем всю работу.

Как же быть? Этот «роковой вопрос» повис над зимовкой. Прачечная проблема казалась неразрешимой.

Молчавший все время парторг вынул трубку изо рта и произнес:

— Я полагаю, надо обратиться к сознательности наших женщин.

Все удивленно посмотрели на него, но ничего не возразили. Только Никодимыч с сомнением и иронией покачал головой. Но мы знали, что с некоторых пор он стал завзятым женоненавистником.

Парторг собрал женщин. Они, предчувствуя тему разговора, расселись по углам, скрестив на груди руки и поджав губы. Беседа обещала быть грозовой.

— Товарищи женщины! — не смущаясь начал парторг.— Заболела Марья Алексеевна,— он помолчал немного,— такое дело... Ничего не придумаешь. И, между прочим, это поставило нас всех в трудное положение. Если каждый мужчина начнет самолично стирать белье, у нас будет не зимовка, а банно-прачечное заведение. Надо, товарищи женщины, организовать коллективную стирку белья. Как вы думаете, а?

Что думали женщины, осталось неизвестным, так как ни одна из них не высказалась. Все ждали, попрежнему поджав губы и сохраняя непроницаемый вид.

— Высказывайтесь, пожалуйста,— пригласил парторг.

Он уставился на жену радиотехника Марию Ильиничну, известную на зимовке общественницу, и та вынуждена была открыть прения.

— Что же,— сказала она,— я постираю белье свое и своего мужа. Я думаю, все женщины могут это сделать.

И она обвела собрание гордым взглядом.

— Конечно, конечно! — радостно подхватили все, и только Агния Игнатьевна брюзгливо проворчала:

— Стоило ехать за мужем за Полярный круг, чтобы снова штопать его носки и стирать исподники!

Парторг пожевал трубку зубами и дипломатическим вкрадчивым голосом произнес:

— Можно только приветствовать почин Марьи Ильиничны. Я, между нами говоря, даже пожалел, что не я ее муж. И позавидовал Емельянычу. Отчего я не встретил вас десять лет назад, Марья Ильинична? — он вытащил грязный платок и высморкался с шумом.— Ну, а несчастным холостякам как же быть? — прибавил он, раскладывая перед собой платок.

— Позвольте! — взбеленилась Агния Игнатьевна.— Вы хотите заставить меня, ме-е-еня, стирать грязное белье посторонних мужчин?

Поднялся общий шум. Женщины набросились на бедного парторга, и он, поняв, что ему не удастся произнести ни слова, терпеливо молчал и слушал.

— Мы не прачки! И не за этим ехали!! — кричала Агния Игнатьевна.

— Мужчины могут и сами постирать!

— Мы не станем копаться в чужом белье!

И тогда раздался голос магнитолога Лиды.

— Мне вас стыдно слушать, женщины,— сказала она с невыразимым презрением.— Стыдно! Стыдно! Стыдно!! — повторила она, пока все испуганно затихли.— Наши мужчины строят самый северный в мире радицентр. Они падают с ног от усталости. Они работают в пургу, в ночь, в непогоду. Слышали ли вы от них жалобы? Чорт подери, отчего я родилась женщиной?! А вы стыдитесь их грязных, рабочих рубах и боитесь попортить руки стиркой. Парторг! — сказала она решительно.— Чорт с ними! Не надо! Сережка будет нести за меня вахту, а я одна, сама перестираю все белье!

— Почему же одна? — обиженно пробормотала Мария Ильинична.— Неужели у нас рук нет?

А Агния Игнатьевна со своей обычной агрессивностью уже накинулась на Лиду:

— Одна! Что ты сделаешь одна? Да еще умеешь ли ты стирать?! Девчонка! А я на целую ораву стирала, не барыня, постираю и на этих оборотов, хотя не стоят они наших забот, право не стоят!

Парторгу уж нечего было говорить. Предводительствуемые Агнией Игнатьевной, дамы ринулись в комнаты холостяков и начали собирать в узлы белье — все белье, все, какое было. Мужчины конфузились, пробовали уговаривать их:

— Да нет! Это не надо! Вот платки, да рубаху возьмите. Этого достаточно. Обойдемся!

Но Агния Игнатьевна не терпела возражений:

— Давайте все, беспомощный вы человек! Мужчина! И за что только вас людьми называют! Женщина всегда мужскую работу делает и еще лучше вас, представьте. А вы, ну ни на что, ни на что неспособны! Давайте уж!!

И она сметала белишко в узел, вскидывала узел на свою широкую, могучую спину и волочила в баню.

Они сумели превратить стирку в праздник, наши женщины. В бане весь день стояли смех и песни. Мужчины волочили в баню нарты, наполненные доверху кирпичами снега (воды не было на острове), но женщины все твердили:

— Мало воды, мало!

А аэролог стал даже опасаться за свои воротнички.

— Они застирают белье до дыр! — твердил он.— Эка взялись!

...Я жалею, что рассказал вам эту неопрятную историю. Все-таки грязное белье — и вдруг в изящную литературу!

Но знаете, когда Агния Игнатьевна принесла мне мое белье и я увидел, что чулки заштопаны, на рубахах пришиты пуговицы, а платки даже надушены (неоценимый подвиг великодушия зимовщицы — израсходовать драгоценные духи на чужие носовые платки), я почувствовал себя таким смущенным и растроганным, как если бы меня большого, нескладного парня, при всем честном народе приласкала мать.

Вот и вся история о том, как у нас заболела прачка. Это было ровно за год до того, как Клавдия Суровцева в Тагиле подняла знамя всенародного движения жен-общественниц. И, читая в газете о замечательном почине Суровцевой, я все вспоминал магнитолога Лиду, и ворчунью Агнию Игнатьевну, и Марию Ильиничну — скромных подруг полярников.

Б. ГОРБАТОВ

БОЛЬШИЕ сарай

Литератору Г. Н. Постникову явно не везло. Пять лет тому назад он начал роман из колхозной жизни «Большие сарай». Уже было написано:

«Солнце клонилось к западу, в воздухе чувствовалось приближение весны, там и сям чернели проталины, но по вечерам еще старушка-зима напоминала о себе. Председателя колхоза Василия Дяблова не тревожило приближение весны. В колхозе все было сделано для подобающей встречи гостя. Тракторы были наготове, колхозники ждали приказа, чтоб выйти в поле... Не это тревожило широкогрудого, широколицого, широкоплечего Василия. Смеркалось». Под это прочувствованное описание природы и душевного состояния председателя колхоза был уже взят аванс, как неожиданно появился на экранах кинофильм «Чапаев». Прекрасную картину хвалили на всех перекрестках, и не было ни одной газеты в республике, которая бы не отозвалась о ней восторженно.

Чужую славу Г. Н. Постников переживал чрезвычайно болезненно: временно он бросал читать газету и, желтый, молчаливый, ходил сам не свой.

Счастливая мысль пришла на помощь Г. Н.

— Дурак я! — вскрикнул он радостно. — Идиот! Мне надо писать роман не из колхозной жизни, а на материале гражданской войны. И как я раньше не догадался!

Вдохновившись, он за ночь (он всегда работает по ночам) успел совершенно наново переписать абзац, вернее, переделать. Пейзаж остался тот же, герой остался тот же:

«Солнце клонилось к западу, в воздухе чувствовалось приближение весны, там и сям чернели проталины, но по вечерам еще старушка-зима напоминала о себе. Командира партизанского отряда Василия Дяблова не тревожило приближение весны. В отряде все было сделано для подобающей встречи гостя, а также еще кое-кого. Пушки и винтовки были наготове, бойцы ждали приказа, чтоб выйти в поле... Не это тревожило широкогрудого, широколицого, широкоплечего Василия. Смеркалось».

Роман теперь назывался «Большие пожары». Под новое полотно был взят новый аванс. Но не прошло и полгода, как внимание общественности привлекло произведение о транспорте молодого, до сих пор неизвестного автора Петухова.

«Транспорт, — писали газеты, — это важнейший нерв нашей страны, а до сих пор ни один из наших писателей не удосужился в художественной форме описать этот важнейший нерв. И правильно сделал тов. Петухов, что смело взялся за эту нужную, актуальную...»

Постников отбросил газету и тотчас же приступил к переделке своего романа. Пейзаж остался тот же, герой тот же:

«Солнце клонилось к западу, в воздухе чувствовалось приближение весны, там и сям чернели проталины, но по вечерам еще старушка-зима напоминала о себе. Машиниста Василия Дяблова не тревожило приближение весны. В бригаде все было сделано для подобающей встречи гостя: топка была очищена, колеса блестящие... Не это тревожило широкогрудого, широкоплечего, широколицого Василия».

Теперь роман назывался «Большие задачи». Постников взял новый аванс и ночью (он всегда работает по ночам) вплотную засел за работу.

Но вдруг, как это всегда бывает в жизни, небольшая повесть из жизни пограничников небольшого до сих пор писателя облетела всю страну. Повестью зачитывались, повесть бешено хвалили.

— Дурак я! — вскрикнул Постников и немедленно кинулся к письменному столу.

До рассвета он успел наново переделать начало своего романа. Пейзаж остался тот же, но после слов «по вечерам еще старушка-зима напоминала о себе» следовало:

«Овчарку «Нептун» не тревожило приближение весны. Не это тревожило широкогрудого, широкоплечего, умного пса, а приближавшийся диверсант. Затаив дыхание, пес ждал, и не успел еще непрошенный гость взяться за деревянную рукоять маузера, как в его горло крепко вцепился Нептун. Смеркалось».

Роман Постников назвал «Большие границы». Новый абзац он опубликовал в газете «По стопам классиков». С этим же абзацем он неоднократно выступал в клубах при чтении писателями своих новых произведений.

А жизнь шла... Жизнь выдвигала новые проблемы. Критики настойчиво требовали романы, повести, драмы, сценарии о партийной жизни, о славных летчиках, о семейном быте, о приспособленцах, о шпионах, о грядущей войне. Г. Н. Постников совсем запарился: он еле успевал переделывать начало романа, еле успевал менять название. «Большие проблемы», «Большие полеты», «Большие из'яны», «Большие походы»... А жизнь шла. И совсем наднях состарившийся Г. Н. Постников прочел в газете хвалебнейшую рецензию о повести из колхозной жизни.

— Ах, — воскликнул дряхлеющий писатель, — какой же я дурак! — и просеменил к письменному столу.

Название оставил он прежнее — «Большие сарай», герой остался тот же, и пейзаж остался тот же, но силы Постникова, подорванные годами и безделием, были уже не те.

«Не это тревожило широкогрудого, широколицого, широкоплечего Василия. Смеркалось», — переписал Постников последнюю фразу начала романа и почувствовал себя смертельно усталым.

— Как это было давно, — произнес он лирически и отодвинул в сторону рукопись... Я еще был тогда молод... Не надо печалиться, мой друг. Такова жизнь, — добавил он философически. — А главное, — сказал он самому себе нежно, — не надо переутомляться. Надо беречь людей! — и с этими словами он придвинул к себе чернильницу и на чистом листе бумаги твердым почерком написал заявление в литфонд: а) о предоставлении путевки в дом отдыха, б) о выдаче ему пожизненной персональной пенсии.

Так роман «Большие сарай» и не увидел света.

Читатели не огорчались.

Б. ЛЕВИН

СПОКОЙНЫЙ СОН ОБЕСПЕЧЕН

Рис. А. Каневского

— Теперь пускай попробуют у меня что-нибудь украсть!

НА СТАНЦИИ ЗДОЛБУНОВО

Исходя из газетных сообщений, представляется, что все это происходит так.

Поезд, прибывший с советской стороны, останавливается у перрона пограничной станции Здолбуново. Транзитный пассажир подходит к окну, чтобы полюбоваться тощими польскими суглинками и толстыми польскими жандармами, и вдруг, оглушенный, вздрагивает и зажимает уши.

По перрону коротким галопом несутся какие-то личности в штатском с порнографически-выразительными лицами и, размахивая мешками, голосят:

— Старые советские вещи покупаем!.. Старые советские вещи покупаем!..

Талантливая польская разведка приступила к работе!..

Озадаченный транзитный пассажир опускается на диван и ждет, что будет дальше. Ждать приходится недолго.

Через полчаса он уже сидит в особой уютной комнатке в помещении здолбуновской пограничной стражи и разговаривает с глазу на глаз с одной из голосистых личностей. В блудливых глазках личности светится огонек робкой надежды: авось, удастся компенсировать неудачи перронной коммерции.

— Пан едет из Советского Союза?

— Да. Из СССР.

— Добже, добже!.. Сейчас пану принесут его паспорт!.. Это на вас советское пальто?

— Советское!..

— Прошу пана: продайте!..

— Зачем вам нужно старое, поношенное пальто? Видите, на нем даже штопка. Я его только в дорогу надеваю.

— И мне нужно в дорогу. Я давно уже мечтал завести себе такое пальто. Это у нас считается самым модным, когда есть штопка.

— У кого это — у нас?

— У нас, у шпио... у здолбуновских обывателей!

— Не продам я вам пальто.

— Какой пан нехороший! Не хотите продать пальто, — продайте хоть пиджачок. Он у вас советский?

— Советский. Не продам.

— Ай-ай-ай, какой вы упрямый! Ну хоть подарите мне что-нибудь советское на память о приятной встрече?

— С какой стати я вам должен дарить советские вещи?

— Я очень люблю Советский Союз, — с чувством говорит личность, стыдливо опуская глаза, — прошу пана мне верить. Может, у пана есть какая-нибудь советская книжка?

— Есть томик Пушкина.

— Пушкин нас не интересует.

— Кого это — нас?

— Нас, шпио... здолбуновских обывателей. Может, у пана осталась советская профсоюзная книжка? Подарите мне профсоюзную книжку. Другьям всегда дарят книжки. Знаете русскую поговорку? Для милого дружка — и книжечка из ушка!..

— Знаете что: идите вы к чорту!..

— Пся крив! — бормочет личность. — Ступайте к врачу. На санитарную проверку.

Транзитный пассажир переходит в другую, столь же уютную комнату, где за столом сидит другая голосистая личность, облаченная в белый докторский халат.

— Из Советского Союза едете?

— Да. Из СССР.

— Добже, добже!.. Гриппом там болели?

— Болел.

— Добже, добже!.. Наверное, ходили туда и сюда по улицам и простудились?

— Возможно!

— Может быть, ходя туда и сюда, на военные заводы заходили?

— Ваш вопрос не имеет отношения к медицине.

— Я хочу установить, где вы подхватили ваш грипп. Может быть, вы вспомните, в каком цехе вас продуло? Что там изготавливалось?

— Я буду отвечать только на медицинские вопросы.

— Ладно. Покажите язык. Так. Дзенкую! Теперь покажите на карте советские аэродромы.

— Это уже не медицина.

— Я хотел испытать вашу память.

— Занимайтесь своим прямым делом, доктор.

— Пся крив! Раздевайтесь, я вас осмотрю. Так. Пиджак положите на этот стул.

— Вы хотели осмотреть меня, доктор, — а осматриваете мой пиджак. Ой, зачем же вы лезете в боковой карман?! Сейчас же положите пиджак на место!

— Не мешайте санитарному врачу работать! Я же должен проверить ваши нервные рефлексы!..

— Теперь я вам хочу задать один вопрос, доктор.

— Пожалуйста, задавайте.

— Почему бы, поляки, такие... любопытные? С кем ни говоришь: от консула до санитарного врача включительно, — все страшно интересуются советскими аэродромами и военными заводами.

— Ваш вопрос не имеет отношения к медицине. Я на него не буду отвечать. Одевайтесь — и уходите!.. С такими пациентами, как вы, санитарное дело на лад не пойдет!.. Пся крив!..

Поезд уходит. Голосистые личности уныло расходятся кто куда. Улов сегодня плохой! Что-то бог пошлет завтра!..

...Советские чекисты, до чего вы довели талантливую польскую разведку!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Музыкальный момент

Когда дирижер поправил белоснежные манжеты и постучал палочкой по краю пульта, Сеня насторожился, Верочка Фомина зажмурила глаза, предвкушая начало концерта.

Симфония началась. Сеня с любопытством смотрел по сторонам, потом он взглянул наверх. Из позолоченных рам на него смотрели строгие лица композиторов. Им было непонятно равнодушие техника планового бюро Сени Кубышкина, который ерзал в кресле и, видимо, недостаточно интересовался музыкой.

Особенно отрицательно реагировал на это Иоганн-Себастьян Бах: он был строг и неумолим.

Сене стало неловко. Он сделал сосредоточенное лицо и очень скоро почувствовал, что уже не замечает, не слышит ничего, кроме мощного дыхания оркестра, заполнившего зал.

В антракте Сеня ходил с Верочкой по фойе.

— Верочка,— сказал Сеня,— мне очень нравится музыка. А имеются ведь такие люди, которые не ходят в концерты, не любят этой самой музыки... Вот, скажем, начальник наш Лука Фомич. Он равнодушный человек... Он, может быть, просто недалекий. Никогда не видел я его в театре или в концертном зале...

Сеня, увлекаясь, отпустил верочкин локоть:

— Я уверен, что у людей типа Луки Фомича нет ни вкуса, ни любви к... к этому...

— К прекрасному! — подсказала Верочка.

— Именно к прекрасному! — подтвердил Сеня.— Ленивый он и нелюбопытный, как сказал Гоголь!

— Это сказал не Гоголь, Сенечка. Это сказал Пушкин.

— Ну, Пушкин. Но нельзя же так, как Лука Фомич...

Сеня взглянул прямо перед собой и обомлел.

Перед ним маячили широкая спина, характерная лысина и синий пиджак в полоску. Это были знакомые атрибуты Луки Фомича, который, безусловно, все слышал...

От праздничного настроения у Сени не осталось и следа.

Все второе отделение концерта Сеня сосредоточенно разглядывал портреты. И вдруг показалось Сене, что суровый Бетховен укоризненно прошептал: «Трепач!..»

Сеня опустил голову. Он не заметил, как холодно смотрел на него Антон Рубинштейн. А что касается Николая Рубинштейна, то последний просто не хотел видеть Сени. Суровый гипсовый профиль основателя консерватории не предвещал ничего хорошего.

На обратном пути Сеня молчал.

— Почему ты молчишь? — спросила Верочка.

— Много впечатлений... — тихо сказал Сеня и подумал:

«И кто меня дернул, окаянного, за язык?»

На следующий день Сеня вошел в кабинет Луки Фомича. Начальник улыбнулся своему подчиненному и изрек:

— Приветствую представителей технической мысли!..

«Все ясно,— подумал Сеня,— уже издевается!»

— Лука Фомич!.. — глухо сказал Сеня.— Я пришел перед вами извиниться!..

— А в чем дело? — спросил Лука Фомич, и Сене послышались в голосе начальника металлические нотки.

— Лука Фомич, не перебивайте меня... Во-первых, прошу вас извинить меня...

— А, во-вторых, прошу вас поставить на место чернильницу, а то вы обольетесь,— сказал начальник.

«Не жилец я на этом месте!» — подумал Сеня и произнес громко и отчетливо:

— Лука Фомич! Я вчера сказал, что вы равнодушный и нелюбопытный человек, что вы не любите музыки. Нет у вас ни вкуса, ни любви к прекрасному...

— Не волнуйтесь,— заметил Лука Фомич,— вы папиросу не тем концом в рот взяли.

Сеня скомкал папиросу.

— Я никогда не видел вас взволнованным. Я уверен, что вы не проронили ни одной слезы, когда на ваших глазах Анна Каренина бросилась в реку...

— Под поезд она бросилась,— сказал Лука Фомич, почему-то не глядя Сене в глаза.

— Ну, хорошо! Это Катерина в «Грозе» в реку... Но это неважно. Вас это не трогает!

— Сеня! — тихо сказал Лука Фомич.— Я не знаю...

— Не перебивайте! — крикнул Сеня.— Другой вам этого не скажет... А то, что я сказал вчера, пусть послужит вам уроком...

Лука Фомич сидел смущенный и немного растерянный.

— Спасибо вам, Сеня, за науку,— сказал он.— Точно вы это отметили: отстал я от этого самого, от прекрасного: в Третьяковке два года не был, Большой театр последние годы только на папиросной коробке вижу, в консерваторию года четыре не заглядывал...

— До вчерашнего вечера,— сурово сказал Сеня.

— Вчера вечером я на совещании был. В наркомате. Какая уж тут консерватория!..

— Что? — крикнул Сеня.— Это были не вы?..

— Скорее всего, не я. Четыре года я там не был. Но теперь обязательно схожу... Здорово вы меня пробрали. Здорово и правильно. Дайте вашу руку...

Сеня открыл рот, левой рукой потер себе лоб, а правую нерешительно протянул Луке Фомичу. Лука Фомич встал и энергично пожал сенину руку.

Бор. ЛАСКИН

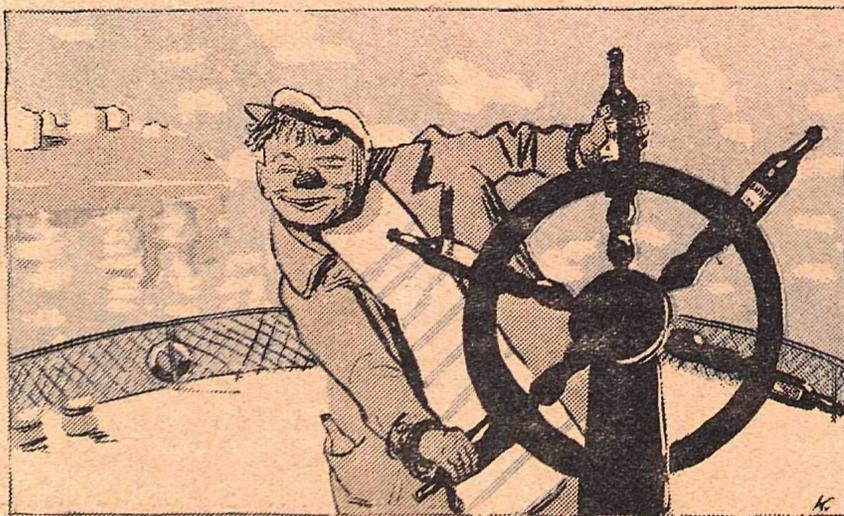

Рис. А. Каневского

РЕЧНАЯ ИДИЛИЯ

—Э-эй, ухнем!..

Рис. Л. Бродаты

НА ФРАНКО-ИСПАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

- Видишь, Жак, немцы направляют дула орудий на Францию.
- Я-то вижу. Вот, к сожалению, правительство Франции этого не хочет видеть.

Жизненная неудача

Ах, куда ты, паренек? Ах, куда ты?

Не ходил бы ты, Ванек, в лауреаты.

Когда молодой пианист Михаил Скубельский получил вторую премию на одном из всесоюзных конкурсов и портрет его появился в пяти центральных газетах, товарищи по школе часто стали говорить ему:

— Тебе, Михаил, можно позавидовать. Теперь тебе как лауреату обеспечены настоящие концерты... Когда ты собираешься в поездку по стране?..

Двадцатилетний Скубельский отвечал с притворным равнодушием:

— Да... Я веду кое-где переговоры насчет поездки... Хотя и в Москве хватает работы...

Скубельский каждый день ждал, что ему позвонят и пригласят на ряд концертов в Москве и на периферии. Однако дни проходили за днями, и никто не приглашал лауреата на концерты в Москве и периферии.

Тогда Скубельский решил сам пойти в государственный трест «Любозвучие», которому была доверена организация музыкальных вечеров в масштабе Москвы и периферии.

Секретарше, охранявшей вход к директору «Гослюбозвучия», наш лауреат сказал с чувством собственного достоинства:

— Моя фамилия — Скубельский. Я хотел бы поговорить с товарищем директором.

— Ну и что? — злобно ответила секретарша. — Мало ли кто хочет говорить с директором? Придется обождать, товарищ Кубельков.

Думая, что секретарша не расслышала, Скубельский повторил:

— Моя фамилия — Скубельский. Ску-бель-ский.

— Не все ли равно, товарищ, — равнодушно отозвалась секретарша, — Кубельков, Скубельский, Скублицкий... Все равно к директору очередь двенадцать человек.

Обернувшись, Скубельский увидел ровно двенадцать скучающих лиц. Печально усевшись рядом с одним из ожидающих, Скубельский спросил своего соседа:

— Давно дожидаетесь?

— Директора? Да вот третью неделю... или четвертую... в общем — двадцать три дня.

Молодой лауреат вздохнул и замер с таким же самым выражением лица, какое было у двенадцати посетителей.

Однако Скубельскому повезло: он прождал всего три с половиной часа, когда секретарша сказала ему несколько даже удивленным голосом:

— Идите. Товарищ директор почему-то свободен...

Скубельский вошел в кабинет директора. Директор в это время говорил какому-то работнику учета (судя по серым на рукавникам):

— Значит, так: заплатить им надо по три рубля сорок копеек за концерт, а расписку возьмешь на сто двадцать рублей с каждого.

Работник учета, почтительно кивнув головой, покинул кабинет, а директор обратился к Скубельскому:

— Что скажете, товарищ?

— Моя фамилия — Скубельский, — уже довольно робко сказал лауреат.

— Скубельский... Скубельский... — пробормотал директор. — А сколько мы вам должны?

— За что — должны? — растерянно спросил Скубельский.

Директор сердито махнул рукой.

— Ну, что вы, не понимаете? За прошлый год мы вам должны или еще за позапрошлый?

— Ничего вы мне не должны. У меня совсем другое дело.

— Какое? Чем вы занимаетесь?

— Я музыкант.

— Ага!.. А разговорный жанр знаете? Куплеты?

Скубельский испуганно выпучил глаза.

— Не-ет... Я без куплетов...

— Это хуже. Может быть, вы музыкальный эксцентрик? На дровах играете? На метле с пузырем? На пиле?.. Потом дудка еще эта — как ее? — флексатон?

— Н-нет... Я пианист, собственно...

— У нас аккомпаниаторов доататочно.

— Н-н-нет, я не аккомпаниатор. Я солист. Моя фамилия — Скубельский. Я лауреат последнего конкурса.

Директор почесал себе переносицу.

— Позвольте, к нам уже присылали лауреатов в прошлом году.

— Совершенно верно, — с надеждой зачастил Скубельский, — в прошлом году был конкурс. А в этом году новый конкурс. И я получил вторую премию.

— Опять конкурс?! Что они там с ума посходили, что ли?.. Это же чорт знает что! Каждый год новые лауреаты!

Скубельский пролепетал:

— Нет, почему же?.. Народ выдвигает новые дарования...

— Народ выдвигает, — перебил директор, — а мы должны задвигать, так что ли?.. Альфред Иезекиилевич, пойдите-ка сюда!

На зов директора вошел небритый рыжий человек с таким лицом, что Скубельский инстинктивно схватился за карман, в котором был бумажник.

— Вот, полюбуйте, — сказал директор, кивая на Скубельского, — оказывается, они там устроили новый конкурс, и на нас опять надвигается новая волна лауреатов!

Альфред Иезекиилевич грустно помахал рукою и, сощурившись, спросил:

— Скрипач? Пианист?

— Пианист, — ответил Скубельский виноватым голосом и вздохнул.

Альфред Иезекиилевич горько усмехнулся. Директор топнул ногой и закричал:

— Это все мне на зло делается! Просто склока!

Альфред Иезекиилевич еще раз усмехнулся и обратился к Скубельскому:

— Молодой человек, ну объясните нам без этих штук: без «талант», без «серьезная музыка», без «культура массам», — объясните нам честно: зачем вы учились играть на инструменте, который вы даже не можете носить с собой подмышкой?

Скубельский опустил голову.

— Может быть, вы умеете петь интимные песенки под этот ваш проклятый рояль? — спросил директор. — Сами поете, сами играете. А?

— У меня голоса нет...

— Кто вас спрашивает про голос? Кому нужен ваш голос? — рассердился директор. — Разве если человек поет, значит, у него голос?

Альфред Иезекиилевич продолжал:

— Если вы уж так любите клавиши, что не можете без них жить, почему вам не играть на баяне? На аккордеоне?

— Не играю я на баяне, — прошептал лауреат.

— И очень жаль. Баян и немного чечотки — это уже номер. Может быть, на концертно вы играете — маленький такой баянчик?

— Нет...

— Ну, на губной гармонике, на окарине? Хоть что-нибудь! Скубельский рванул на себе воротник, захрипел:

— Рояль! Только рояль!!

— Идите, молодой человек, — грустно сказал директор. — Идите и подумайте, что вы над собой сделали!

— Но почему?! Почему вы меня гоните? — кричал Скубельский. — Широкие массы так любят музыку!.. Они любят не только аккордеон. Они любят и рояль...

Альфред Иезекиилевич поморщился, как от фальшивого звука...

— Ты еще в Москве? — удивленно спросил Скубельского товарищ по консерватории. — Когда же ты едешь со своими концертами на периферию?

— Скоро, — ехидно ответил Скубельский, — очень скоро. Как только научусь играть на окарине и на метле с пузырем...

В. АРДОВ

ЖЕРТВА ИСКУССТВА

Рис. М. Черных

- Отчего он так хрипит?
- Видно, долго торговался с заведующим клубом.

Рис. Л. Генча

КОНСУЛЬТАНТ

ОБСЛЕДОВАТЕЛЬ ИЗ ЦЕНТРА: — Попржнему кустарничаете... Рыба у вас на промысле принуждена метать икру чорт знает куда — прямо в воду. Неужели трудно вовремя подавать ей тару?

Короткие рассказы

КОНКРЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ЭРМИТАЖНОЕ

— Посмотрите, какая безобразная картина!

— Эта? Да это же Рубенс, что вы?!

— Да нет, выше!

— Над Рубенсом Тициан! И его картины вы называете безо...

— Выше, выше Тициана!

— Выше Тициана гениальный Рембрандт! И его кар...

— Выше!

— Да там же потолок!

— Вот именно!

— А, да, да. Действительно, безобразная картина!

И экскурсанты, задрав головы, смотрели на рыжие дождевые подтеки.

ПОЛОВИНА

Этот руководитель учреждения, вызвав подчиненного сотрудника, разговаривал с ним довольно странно.

— Вы садись, — сказал руководитель, ногой пододвигая стул. Потом продолжал: — Вы понимаешь, дело сложное. Надо план выполнять. И вы объяснишь мне, в чем загвоздка...

Сотрудник объяснил. А затем в коридоре шопотом спросил у секретаря:

— Чего это товарищ Самохин так говорит: «Вы садись», «Вы объяснишь»?

— Отвыкает он от грубого «тыканья». Нагоняй ему был за это. Ну пока что еще только наполовину отвык.

ПТИЧКА

Заведующий отделом кадров получил от начальника обратно просмотренный им список служащих. Против фамилии экономиста — Вознесенский — стояла начальническая «птичка», похожая на давно уничтоженную ижицу. Заведую-

щий, поразмыслив над этой «птичкой», сердито поморщился и, выйдя к начальнику, сказал:

— Признаю, Сергей Степанович. Проморгал. Действительно, давно надо было обратить внимание на эту «птицу». Спасибо за своевременный сигнал.

— За какой сигнал?

— А вот отметили «птичкой» этого экономиста. И фамилия у него такая «авиационная» — В-о-з-н-е-с-е-н-с-к-и-й. Что проморгал, то проморгал. Признаю.

— Да что с Вознесенским?

— А вот же вы сами «птичку» поставили. Сигнализировали, так сказать. Морганул я. Да.

Сергей Степанович посмотрел на «птичку» и сказал:

— Какая это «птичка»? Я карандаш чинил, ну и попробовал, ладно ли он пишет.

Заведующий отделом кадров улыбнулся, хлопнул себя по лбу и сказал:

— А я думал — «птичка»... Что, думаю, приключилось с товарищем Вознесенским? Парень проверенный, трудолюбивый... И вдруг. Да, да, да... А это вот что. Ну, ну, ну...

И сдул со стола небрежные еще карандашные стружки.

АСПЕКТ

Он ехал в международном вагоне. Читал Пушкина. Захлопнул. Сказал соседке:

— Не понимаю. Пушкину народные сказки няня рассказывала. Смешно даже. Придет к тебе Арина в комнату и расскажет.

— А чего ж здесь смешного?

— Ну, Соничка, с этой Ариной нам бы зарез был. Я как собиратель этих народных сказок, может, десятую тысячу командировочных километров доканчиваю. А тут рядом, в комнате. Благодарю и жорно!

В. ТОБОЛЯКОВ

Гаражей общественного пользования у нас все еще не хватает. Машина все равно целыми днями стоит у под'езда. Пусть хоть работает как прихожая.

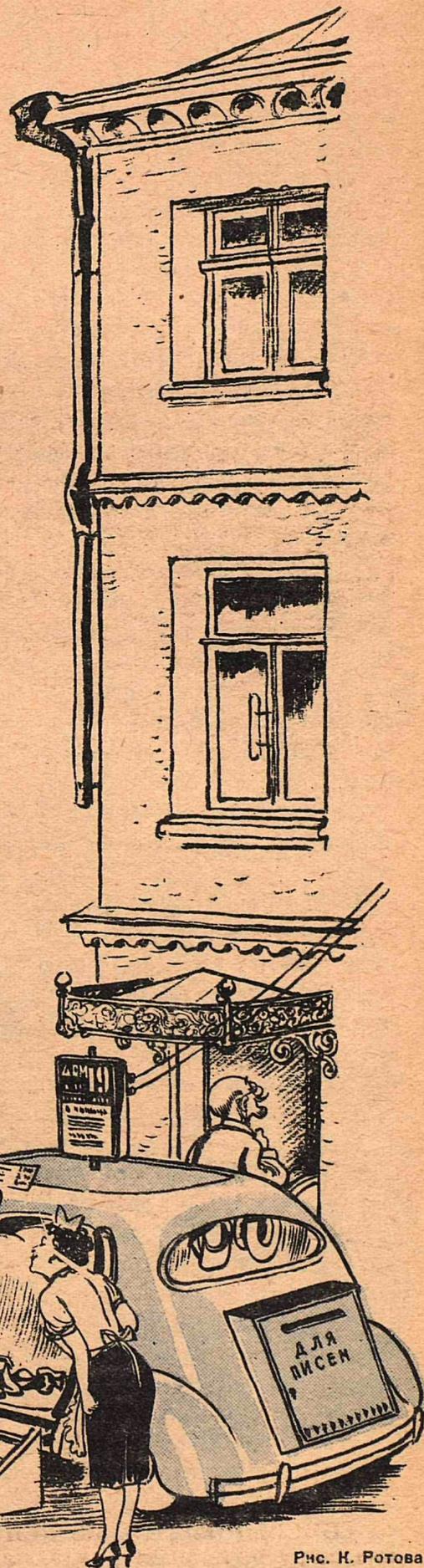

Рис. Н. Ротова

— Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его!.. — крикнул Джордж Мэрри и выстрелил в боченок с ромом.

— Ха-ха-ха! — хищно сказал одноглазый одноногому и выстрелил одноухому в лицо.

На столе, сколоченном из остатков шхуны «Королева Елизавета», плясал боцман. Веселье продолжалось. В про-спиртованном воздухе таверны пахло морем, порохом и экранизацией классики.

Все было как нельзя лучше — был и ром, и говорящий попугай, и сокровища, и остров. Не было только самого главного.

Английский писатель Роберт Луи Стивенсон (1857 — 1894) ввиду отсутствия творческой фантазии и нежелания считаться с руководящими установками кинодраматурга Леонидова О. и режиссера Вайнштока В. недоучел того факта, что в романе «Остров сокровищ» выпали:

а) девушка (женская роль);

б) ирландская революция (социальное зерно).

На протяжении всего романа пираты стреляли и довели. Синее море с высокими гребнями волн, солнечными бликами и парусами на горизонте тоже довлекло. И социально неоправданно довлекло все остальное.

С'емочный коллектив, осудив творческий метод классика Стивенсона Р. Л., который в связи с нежеланием и т. д... (см. выше) решил принять меры.

— Значит так, — сказал режиссер, — сначала мы даем море, море, море... 40 метров стрельбы, а потом появляется оно...

— Кто — оно? — спросил консультант.

— Оно. Социальное зерно... Всадники скачут, революция продолжается, денег нет, сокровища на острове...

— У Стивенсона этого нет, — бес-тактно заметил пиротехник.

— Будет!.. Значит, дальше. Для кого мы ищем сокровища? Для чего мы едем в экспедицию? Мы едем в экспедицию,

потому что ирландские повстанцы буквально задыхаются без денег.

— У Стивенсона... — начал зарвавшийся пиротехник.

— Будет!

— А как же старый доктор Лайвеси?

— Молодой доктор. Повстанец.

— А капитан Смоллет?

— Повстанец.

— А мальчик Джим?

— Он уже девушка. Героиня. Джен.

Маэстро Квак и кузнечик

Маэстро Квак в своем болоте
Работал, не смыкая глаз:
Он сам, по собственной охоте,
Составил звучный, стройный джаз.
Певец квакваратурных пара,
Три кваксофона и квалтист,
Затем кваквайская гитара
И самый лучший квакквист.
Из прессы райпрофогородной
Эксперт-кузнечик прискакал.
Он рецензент был самый модный
И тонким вкусом обладал.
Дал Квак вступление лягушкам,
Программу так составил он:
«Скажите, квакушки, подружке»,
«Квакварача» и «Квакстон».
И сразу, в первом же антракте,
Напал на Кваку рецензент:
«У вас в сто двадцать пятом такте
Неактуальный был акцент,
Не отображена эпоха,
В концовке формализма груз...
Все это, в общем, очень плохо,
Поверьте в мой прекрасный вкус!!»
Прошло второе отделение,
И вот закончился концерт.
Лягушки скачут в нетерпенье:
«Что скажут критик и эксперт?»
Но Квак сказал: «Не скрою факта,
Что с критиком большой конфуз...
Я с'ел его в конце антракта.
Да, в нем прекрасный, тонкий вкус».

Ты победил, маэстро Квак,
Мы, люди, действуем не так,
И часто, не щадя таланта,
С'едает критик музыканта.

ИРИНА ПЕТРОВА

На 85 пиратоединиц мы даем женский образ.

— Хорошо, — сказал драматург. — Это именно то, что нужно!

— Повстанцы скачут, а пока, суд да дело, девушка может, в случае чего, спеть, — сказал повеселевший композитор Никита Богословский.

— Никита... — укоризненно сказал пиротехник.

— Будет! — отрезал режиссер. — Все будет!

Прошли долгие месяцы. По Кавказскому побережью проскакали ирландские повстанцы, обеспеченные суточными и квартирными. Копыта коней омывало море, олицетворявшее своим волнением беспокойство повстанцев, потерявших надежду на получение заветных сокровищ в связи с огромными перерасходами по фильму.

Наконец, картина вышла на экраны. Все лихие замыслы драматурга и режиссера, обращенные против Стивенсона Р. Л. (1857—1894), были приведены в исполнение с поистине пиратской жестокостью. Пираты уже не довели. Бывший юнга Джим (женская роль) исполнял лирические и походные песни. Социальное зерно буйно проросло, заслонив от многострадальных зрителей скорбные останки романа Стивенсона.

И, как знать, может быть, бесшабашно расправившись со Стивенсоном, авторы замышляют новое злодеяние. Появится, эдак, на экране фильм, мучительно напоминающий бессмертное творение Сервантеса, где кроткая девица Панчита (бывш. Санчо-Пансо) вместе со своим возлюбленным, стройным голубоглазым юношей Дон-Кихотом, с пением походной песни пойдет в атаку на социально окрашенные мельницы.

И снова довлеть будут сценарист и режиссер. Сервантес довлеть не будет. Это уже ясно.

ЖАН, ЖАК И РУССО

Рис. Ю. Ганфа

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

ДАЧЕВЛАДЕЛЕЦ:— Это будем считать задатком. А остальное заплатите при в'езде.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Чем должна заниматься нормальная кооперативная сапожная мастерская? С некоторых пор этот простой, казалось бы, совершенно ясный вопрос стал для нас неразрешимой загадкой. Саратовский областной кожевенно-ремонтный промыслово-кооперативный союз дал такое распоряжение артели «Кооппуть»:

«Организовать ловлю бродячих собак в Саратове!»

В официальной бумажке за подписью коммерческого директора Харламова так прямо и было сказано:

«В срочном порядке заняться окончательным оформлением организации вышеупомянутого мероприятия в отношении срочного приступления к ловле собак».

Никакие жалобы и возражения не помогли.

Пришлось оформить. Занялись «приступлением к ловле». И вот ловим, хотя за полгода своей работы на этом новом поприще артель уже понесла убытка около 7 тысяч рублей. Теперь наши сапожники с грустью вспоминают о прошлых днях, когда они могли спокойно шить обувь для трудящихся Саратова.

К. ЛУКАВИХИН

Товарищ Крокодил!

Я расскажу тебе одну трогательную историю.

Жила бедная девушка-служанка у богатых и важных хозяев. И жил молодой красивый повеса, прожигатель жизни и фат. Однако на вид это был довольно симпатичный и благородный юноша. С заранее обдуманном намерением, чтобы попасть в дом, откуда его выгнали, этот юноша завлек служанку. Девушка приняла его ласковые слова за чистую монету и полюбила его всей душой. И у него в груди тоже просыпается любовь к служанке.

Оба они совершали благородные поступки, и дело явно двигалось к свадьбе.

И вот тут-то слезы появились на моих глазах. Это я

пересказываю сюжет заграничной комедии «Катерина», которая идет на советских экранах. Неплохая картина, хорошо играют актеры, но какие-то ревнители устоев не могли потерпеть на советском экране симпатичного юношу непролетарского происхождения. И решили вмешаться своими грубыми ножницами в пылкую любовь двух молодых сердец. И пресекли. Они отрезали конец картины, думая таким способом придать ей другую идеологическую окраску.

И получилось, что после веселого фильма зритель уходит, тоскуя, придумывая варианты явно обрубленного конца и вслух понося неумелых кинозакройщиков.

М. РОМАНОВИЧ

Москва.

Дорогой Крокодил!

Каюсь — я купил задвижку. Я выложил 1 рубль 20 копеек государственных средств, и теперь совесть мучает меня по ночам. Я знаю, что с каждым днем растут капиталовложения, по этому поводу и вижу, что уже не в силах приостановить затраты.

Задвижка была куплена для нашего районного магазина Книгокультурторга. Счет, как всегда, отправили в Прилукский межрайонный филиал, которому мы подчинены. Заказное письмо — сорок копеек. И вот пришел заказной ответ (еще 40 копеек). В нем был счет с надписью директора филиала Мермана: «Куда и зачем нужна задвижка?» Итак, задвижка уже стоит два рубля. А переписка только начата.

Впрочем, не думай, что директор Мерман — мелочный человек. Совсем нет. Вот нам он дал план на первый квартал в сумме 32 800 рублей, а товаров недослал на 12 800 рублей. Некогда ему доставлять товары, пустяками заниматься: он задвижкой занят.

Так что видишь, не мелочный человек — директор.

Но мелкий. Мелок он для директора.

Зав. магазином
А. КОМАРОВСКИЙ

г. Ичня,
Черниговской области.

Дорогой Крокодил!

Старик Фауст для того, чтобы омолодиться, продал душу чорту. В наше время многие — с меньшим успехом — обращались к помощи последователей доктора Воронова. Зря все это! Омолодиться можно гораздо проще, по почте.

Спешу поделиться с товарищами Фаустиами своим опытом.

Летом прошлого года я послала в Хабаровск в крайком партии письмо, в котором выразила желание переехать на Дальний Восток на постоянную работу. В письме указала свой партийный и рабочий стаж, биографические данные и свой возраст: сорок четыре года.

Через некоторое время я получила ответ от комиссии по приему на работу девушек хетагуровского призыва.

Повидимому, чинуши из Хабаровского крайкома мое письмо не дочитали до конца, решив, что раз на работу на Дальний Восток просится особа женского пола, — значит, она обязательно должна быть юной девушкой-хетагуровкой. Свообразная форма бюрократизма!

Я ответила на это странное письмо и вскоре получила ответ, что вакантных мест не имеется.

Прошло много месяцев, и вдруг уже в марте 1938 года хетагуровская комиссия порадовала меня новым письмом. Забыв, что со мной уже переписывались, секретарь комиссии тов. Кузнецова именует меня товарищем Сапран (вместо Сапрыкина), извиняется за задержку ответа и, судя по всему, считает меня... юношей.

Теперь я, сорокачетырехлетняя женщина-коммунистка, с трепетом жду, как бы хетагуровская комиссия не превратила меня в мальчика десяти лет, юного пионера. Чем чорт не шутит!

САПРЫКИНА

Пятигорск

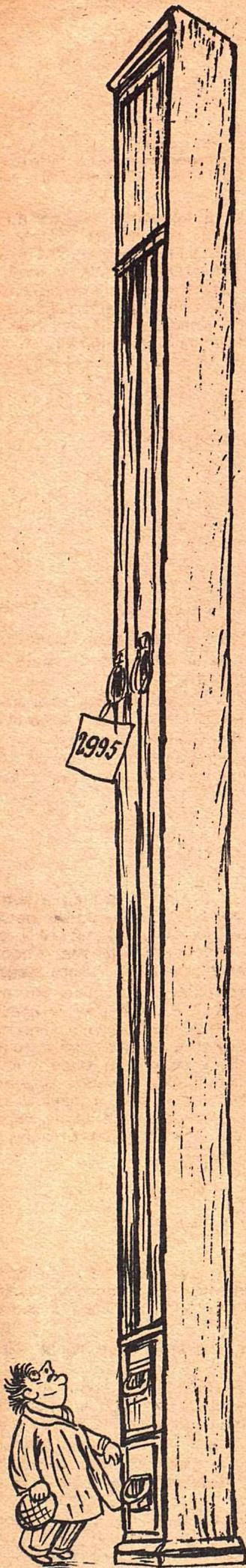

Рис. Л. Генча

НУ, ТОГДА БЫ — ЕЩЕ ТАК...

Чтобы было бы, если славянский шкаф рос бы пропорционально своей цене...

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Где эта улица?

Раньше было очень трудно разобраться в улицах города Ворошиловска (Орджоникидзевский край). В самом деле, были 3 Каменоломских улицы, 3 Карабинских, 7 Мамайских, 4 Аульных, 6 Новофорштадтских улиц, 7 Новофорштадтских линий, 5 Бутнянских улиц, 6 Туапсинских и т. д. А с другой стороны, почти не было улиц и переулков с советскими наименованиями.

— Действительно, безобразие! — сказали председатель горсовета Елагин и ответственный секретарь Духин. — Надо срочно переименовать.

И переименовали.

И вот сейчас вместо 10 Старофорштадтских линий имеется 10 переулков Чернышевского, вместо 7 Новофорштадтских линий — 7 переулков Крупской, вместо 8 Кандауровских — 8 Чкаловских переулков, вместо 7 Мамайских улиц — 7 Мичуринских, вместо 5 Алафузовских переулков — 5 Стахановских и т. д. и т. п.

Выражаем наше сочувствие ни в чем неповинным гражданам города Ворошиловска и в первую очередь многострадальным его почтальонам.

Кросс имени Гилева

В Солонешенском районе, Алтайского края, намечен небывалый звездный пробег. Старт пробега — Солонешенский, Карповский, Горно-Алтайский и Горный совхозы. Финиш — в совхозе Сваловском. Цель пробега ясно и красноречиво изложена в бумажке Алтайского краевого управления совхозов за номером 5—14:

«Директору Солонешенского совхоза. Ввиду того, что стройотдел управления имеет всего несколько экземпляров единых норм на ремонтно-строительные работы, посылаем один экземпляр в Сваловский совхоз на группу совхозов для общего пользования...
Нач. стройотдела Гилев».

Иными словами, директора нескольких совхозов, по щучьему велению, головоулыбскому хотению, вынуждены бросить свои дела и мчаться за 100—150 километров, чтобы ознакомиться с содержанием «редкой бумажки».

Вот какие бывают иногда звездные пробеги и призы для их участников!..

Хабаровские хитрецы

Крокодил заинтересовался санитарной работой Хабаровского облздравотдела и для начала запросил начальника тамошней городской милиции о санитарном состоянии двора и здания самого облздравотдела. Ответ поступил незамедлительно:

«Санитарное состояние двора и здания облздравотдела безобразное зпт во дворе исключительная антисанитария зпт такое же состояние в других дворах занимаемых облздравом и городздравом тчк. Неоднократно милицией составлялись протоколы привлекались ответственные лица к ответственности тчк».

Хитрые люди сидят в Хабаровском областном и городском отделах здравоохранения: они полностью обеспечили себя от жалоб со стороны населения. В самом деле. Приходит, предположим, в горздравотдел гражданин, обижается, почему, дескать, горздрав не заботится о чистоте на дворах. А заведующий горздравотделом подводит жалобщика к окну, показывает ему на здравотдельский двор и укоризненно говорит:

— Вот если бы мы, гражданин, свой двор убирали, а ваш не убирали, тогда вы были бы абсолютно правы.

И жалобщик уходит, грустно разводя руками.

Нет, не соответствует!

От гр. А. С. Зубрицкой, проживающей в Чернигове, скрылся ее муж и отец ее двух детей — учитель Григорий Корнеевич Зубрицкий. Сам по себе факт не только печальный, но и мерзкий. Зная, что Г. Зубрицкий выехал в Новосибирск, его бывшая жена обратилась в Новосибирское облОНО с просьбой сообщить о месте работы ее мужа. Ответ не замедлил поступить. Вот он:

«На ваше заявление сообщаем, что принять вас на работу можно в том случае, если будете соответствовать всем требованиям... Места в области есть... При выезде с собою должны быть следующие документы...»

Письмо это — трафаретный бланк, в котором от руки проставлены только адрес Зубрицкой и номер отношения. Кроме того там есть и подпись: «Зам. зав. сектором начальных школ Пимкин».

Так вместо адреса Зубрицкой его бывшая жена узнала адрес другого носителя вымирающих нравов — чиновника-бюрократа Пимкина, не желающего утруждать себя даже чтением писем трудящихся. Узнали о нем и читатели Крокодила. И они советуют заведующему Новосибирским облОНО внимательно присмотреться к Пимкину: «...соответствует ли он всем требованиям?»

Турусы на колесах

Судили машиниста Иванова.

— Пол рубил?

— Рубил.

— Воду лил?

— Лил.

— Матильду Юфит читал?

— Читал.

— Ну, тогда все ясно, — сказали судьи и оправдали Иванова.

И выпрямь все ясно. В рассказе «Жизнь» (журнал «Знамя» № 12 за 1937 год) Матильда Юфит повествует:

«Ему подали топор. Серегин сбросил с себя пальто, стал на колени и начал рубить пол... В щель было видно, как горят буквы. «Воду лейте, воду», — командовал Серегин...»

А буксу, кстати, надо гасить песком. И пол на паровозе «ФД» топором не возьмешь: он металлический. Железный, так сказать.

Водяная феерия

Еще нельзя сказать с уверенностью, будет ли создан в районе города Иваново на базе скромной речки Уводь мощный водный массив наподобие «Московского моря». Но, боясь оказаться в хвосте событий, заместитель начальника «Рославрыбы» тов. Соболев считает эти гидротехнические мечтания уже свершившимся фактом.

26 марта 1938 года Соболев срочно шлет в Иваново инструкцию об экономии топлива в речном флоте и предлагает «спустить таковую на каждое судно в помощь машинной команде». Заметьте, на каждое. Чтобы инструкция была доведена до всех: от сурового капитана до безусого юнги. Пусть в Иваново нет ни одного юнги, ни одного парохода, ни даже захудалой баржи. Может, когда-нибудь и будут там и голубая гладь водохранилищ, и пристани, и чайки, и траулеры. Не спорим. А пока что течет себе тихая, скромная Уводь, и даже не заливают берега. Это товарищ Соболев из «Рославрыбы» маленько «заливает».

Лечение внушением

Действительно, лечение гипнозом и внушением — еще мало исследованная область. И на пути исследования этого способа лечения различных заболеваний может встретиться много нового и неожиданного.

Так и случилось в Балангинском приисковом управлении «Хак-золота».

Радист Ивачев после заключения врачебной комиссии получил путевку на лечение. Но выехать ему не пришлось, ибо врач в лице управляющего Балангинскими приисками Демьяна Тимофеевича Сизова оказался на месте.

«Внушаю тебе, тов. Ивачев, не болеть» — таково было радикальное средство нового «лекаря», изложенное им в резолюции на заявлении тов. Ивачева.

Вот с такими осложнениями протекает болезнь злополучного радиста.

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ

Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 30 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 383

Сдача текста и рисунков 8/IV 1938 г.

Подп. к печати 15/IV 1938 г.

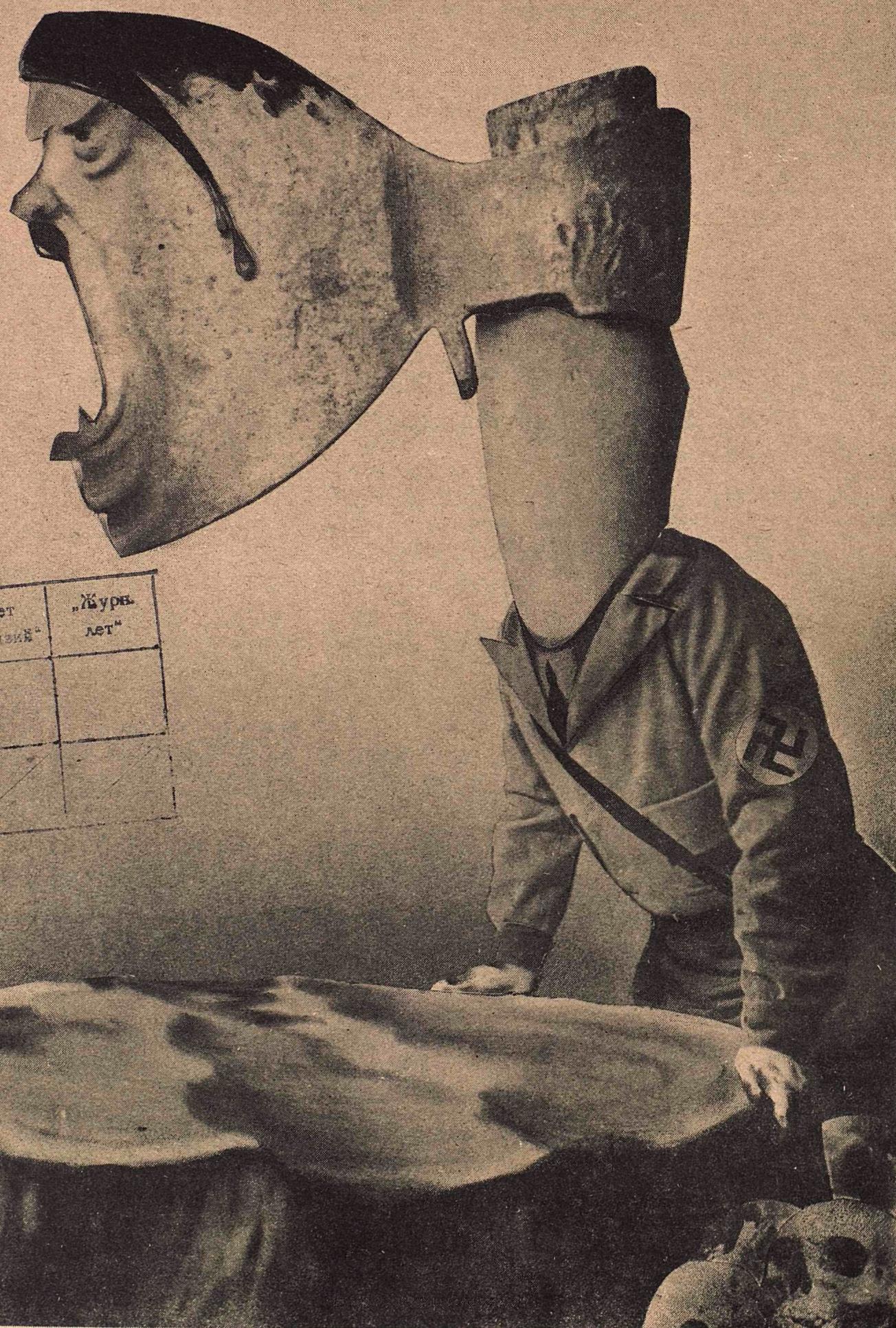
Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-42351 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 879. Тираж 275 000 экз.

19 АПР 1938
Вен. Ист. Палат. Подручные

400

	Период в сериал	„Лет рецензия“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	20/IV		
	20/IV		
	20/IV		

Фотомонтаж Б. Клинка

ВЕНСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ „ФЮРЕРА“